

Т.И. Трошина
*Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
Северный государственный медицинский университет*

ИНОСТРАННЫЕ КОНЦЕССИИ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД НЭПА: ВЗАИМООТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ, МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ И КОНЦЕССИОНЕРОВ

*Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского Научного Фонда
(проект № 22-18-20061)*

На основе архивных источников показан опыт привлечения иностранных инвестиций в лесную отрасль Архангельской губернии в форме концессий. Сложность взаимоотношений иностранных капиталистов с местными властями объясняется опасениями усиления «капиталистического влияния» в условиях новой экономической политики.

НЭП, Архангельская губерния, лесная промышленность, иностранные концессии.

В условиях продолжающихся дискуссий о правильности пути экономического, социального, политического развития послереволюционной России существует потребность изучить опыт привлечения иностранных инвестиций для восстановления разрушенной Гражданской войной страны. В связи с переходом к форсированной индустриализации 1930-х гг. договорные отношения с концессионерами были разорваны, что некоторыми исследователями воспринималось и воспринимается как необдуманый шаг.

Проблема иностранных концессий периодически поднимается в исторической, экономической, юридической литературе. Зарубежные исследователи, изучая внешнеэкономические контакты Советской России, пришли к выводу о стабильности режима неблагоприятия для иностранного бизнеса вне зависимости от исторического периода [15; 27]. Вопрос о причинах провала концессионной политики также поднимается и в отечественной науке [12]. Одновременно исследуются частные вопросы концессионной деятельности, в частности, в лесной промышленности [19], а также – социальные аспекты, включающие взаимоотношение иностранных концессионеров с русскими рабочими и представителями власти [26]. Архангельскими историками и краеведами рассматриваются жизненные истории концессионеров, многие из которых были связаны с севером России задолго до революции [21]. Судьба их дела не оставляет равнодушными и потомков, проживающих в Норвегии: опубликованы переведенное затем на русский язык воспоминания управляющего концессионным предприятием [1]; взгляд норвежской стороны на историю «Руснорвеголеса» представлен в статье норвежских историков [28].

Уточнение истинных возможностей и целеустремлений иностранных инвесторов и предпринимателей на конкретном примере деятельности в лесной отрасли Европейского Севера позволит приблизиться к пониманию реальной их пользы для развития советской промышленности. Привлечение новых источников с применением историко-диахронного метода

расширяют осмысление концессионного опыта выхода из глубокого социально-экономического кризиса постреволюционной эпохи.

В силу логистических особенностей Архангельская лесопромышленность была ориентирована на зарубежный рынок. Активно участвовали в развитии этого прибыльного бизнеса и иностранные предприниматели, вкладывавшие средства в развитие лесопиления. Проблемы военного, затем революционного времени (запрет на вывоз древесины в начальный период Первой мировой войны, сложности с заготовкой лесоматериалов из-за противодействия волостных советов, общая анархия на производстве под влиянием популистских социальных лозунгов) не сразу отпугнули их. Управляющий онежским заводом Э. Абрахамсен вспоминал о тех временах: «Мы думали, что все настолько плохо, что долго так продолжаться не может, что обязательно грянут перемены... поэтому продолжали работу» [1, с. 133].

В разгар Гражданской войны, когда территории, где проводилась заготовка леса (северные уезды Вологодской и южные – Архангельской губерний) оказались за линией фронта, работать стало невозможно. Покинув Северную Россию вместе с русскими беженцами, иностранные предприниматели и специалисты рассчитывали, однако, что смута скоро закончится, и можно будет вернуться обратно. Показательно, что голландское общество лесной торговли «Альциус и К^о» продолжало платить жалование своему управляющему О. Вагеру, который, действительно, вернулся в Архангельск в 1922 г. в качестве директора-распорядителя концессионного общества [3, с. 197].

Иностранные предприниматели, судя по всему, уже на последнем этапе Первой мировой войны ожидали, что выход России из экономического кризиса предоставит им дополнительные возможности. Действительно, в правительстве с конца 1916 г. заговорили о возможностях привлечения средств на восстановление страны путем сдачи в концессию отдельных видов промышленности. В частности, предполагалось

выделить на долгосрочной основе 15 млн га на Европейском севере страны [19, с. 17]. В 1917 г. появилась информация, что «в Норвегии образовалось ряд обществ с целью добывать в России древесину, устроить древесно-массные фабрики. Организовался консорциум, купил два лесопильных завода и прилегающий к ним лесной участок на Онеге» [18] (имелось в виду расширение деятельности лесопромышленного товарищества «Прютц и К^о»). Архангельская общественность эти новости с энтузиазмом обсуждала; впрочем, рассчитывая на максимальные преференции для развития региона. Так, в ноябре 1917 г. ставился вопрос о «допущении отпуска лесов по долгосрочным контрактам из особых концессионных хозяйственных частей в малонаселенных и глухих местностях по бассейнам рек Печора, Мезень, Кулой, Золотица и Мегра, при условии ограждения интересов местного населения» [14], то есть планировалось за счет иностранного капитала включать в экономическое пространство отдаленные и труднодоступные территории.

Привлечение западных капиталов, оборудования, инженерной мысли для восстановления и дальнейшего развития хозяйства России – в обмен на сырье, которое «лежит глубоко в недрах земли или гниет недоступное разработке на лесных равнинах Севера» [13, с. 5], обсуждалось на всех уровнях. Северным лесам отводилась особая роль; отмечалось, в частности, что «Архангельская губерния [обладает] большими возможностями в случае привлечения иностранных капиталов для эксплуатации ее естественных богатств» [14]. В Гражданскую войну этот вопрос приобрел политическое звучание: в ответ на обращение французского правительства к властям Северной области «о разрешении концессий», поскольку «большевики предложили [их] некоторым иностранным капиталистам», поступил отказ, мотивированный, что они «не имеют права... отчуждать часть Государственного достояния» [9].

Тем временем к началу 1920-х гг. практически все лесозаводы в Архангельской губернии оказались закрыты «из-за отсутствия материалов или по желанию фирм, чьи владельцы иностранные подданные» [6], а также из-за частых национализаций промышленных предприятий, нередко «по решению местных органов – без плана, без предварительного обследования...» [25, с. 174]. Безвыходная экономическая ситуация заставила Советскую власть принять «Декрет об общих экономических и юридических условиях концессий», разрешавший их предоставление иностранному капиталу [16; 17]. Предлагалось создать 11 лесных концессий, с разделением прибыли между концессионерами и государством, на срок не менее 20 лет, а при условии развивать бумажную и целлюлозную промышленность – 48 лет. Ограничения накладывались на вывоз сырой древесины, чтобы у концессионеров не возникало стремления вывозить из страны только сырье [20].

Население неоднозначно встретило решение отдать русские леса в концессию иностранным капиталистам. Крестьяне возмущались, что большевики «три года воевали, да все разбили, да обобрали. А теперь со [старыми хозяевами] опять заодно – приглашают их к нам строить фабрики да заводы, а ведь

говорили, что мы старое все разрушим и создадим новое, хорошее, светлое. А без капиталистов ничего не смогли сделать, сломать да спортить сумели...» [2]. Непокойно было и в Онеге, куда в качестве концессионеров собирались вернуться бывшие владельцы. Фактом передачи заводов иностранцам воспользовались, как пояснял председатель уездисполкома, «шептуны и сикуны, бывшие прислужники, которые высоко подняли голову; ...не отстают и обывательщина, распространяя всевозможные слухи о том, что вот, мол, приехали старые хозяева и все будет по-старому... заводы передаются им навсегда, завкомы, профсоюзы, охрана труда, существующие советские законы для них не обязательны, и т.д. Среди рабочих легковверные и малограмотные поддаются таким слухам и верят словам шептунов и обывательщины...» [4, л. 72].

Представителям уездной власти приходилось объясняться перед своими избирателями и перед населением на страницах местной газеты. Пытались опровергнуть «нелепые слухи о возвращении прежних хозяев», что сделать было сложно, поскольку, действительно, среди подписавших концессионные договоры по созданию Русско-норвежского лесопромышленного акционерного общества «Руснорвеголес» оказались прежние владельцы и управляющие лесозаводов. Приходилось объяснять, что те «хорошо знают местные условия производства, поэтому, когда они предложили свои услуги, выбор ...выпал на них...». Вслед за руководителями государства, объяснявшими хитроумный план привлечения иностранного капитала и мозгов к восстановлению советской экономики, поясняли: «Имеются ли у них личные соображения, мы не знаем, да и знать не хотим, а строго ограничиваемся лишь чисто деловыми взаимоотношениями...»; и хотя «выгода концессионера в доходах, но развивая производство в своих собственных интересах, концессионеры... льют воду на нашу советскую мельницу, усиливая нашу экономическую мощь» [4].

Подчеркивалась выгода концессий для края: удастся заготовить и переработать большое количество древесины, которая из-за недостатка средств гниет на корню. Концессионеры же «обязуются расширить производство в размерах, достаточных для переработки всей лесной продукции», приступят к «капитальному ремонту Онежских лесозаводов, к замене рам и станков более совершенной конструкции, к увеличению [количества] рам. В дальнейшем построят новый завод...». Недовольных сторонников советской власти успокаивали, что иностранные арендаторы будут обложены высокими налогами, как государственными, так и местными. Все социальные гарантии для рабочих сохраняются, роста безработицы не будет, поскольку «ввоз рабочей силы из-за границы», даже «высококвалифицированного научно-технического и конторского персонала», по договору ограничен (Там же, л. 130–133). Не забывали рассказать населению и о тех благах, которые ожидаются в связи с поступлением иностранных капиталов.

Концессионеры на вопросы местных журналистов стремились немного снять волну столь щедрых обещаний, но тоже были заинтересованы смягчить воз-

мушение и опасения онежан. По словам представителя Руснорвеголеса, ими приняты меры по обеспечению лесорубов всеми необходимыми продуктами и инструментами, а это означает – будет сырье, заработают заводы, появится экспортная выручка [4, л. 57].

Первые результаты деятельности концессионеров были вполне успешными. Руснорвеголесом за 1924–1925 гг. было ввезено «различных ценностей» на крупную сумму. Онежский уездисполком признавал, что «этот вид использования иностранного капитала безусловно положительно сказался на расширении лесной промышленности и на всем строе хозяйственной жизни. По заводам был проведен целый ряд технических усовершенствований, выстроены новые помещения [для] рабочих, устроена канализация, мостовые...», в результате – «распилено в 3 раза больше», чем при государственном управлении заводами. И если население в начале нэпа «выживало за счет натурального хозяйства», то теперь присутствовал «приток денежных средств», до 30% мужского населения уезда были заняты на различных видах работ, предоставляемых концессионными предприятиями; заработок заводских рабочих вырос на 40% [5].

С появлением у населения денег и расширением торговых операций с границей развивался и местный потребительский рынок, что грозило разрушить централизованную систему распределения. Руководство получившего наибольшие дивиденды от концессий Онежского уезда «настаивают, чтобы [мануфактуру и другие дефицитные товары] закупать не в Архангельске, а на мировом рынке», реализуя их через частную торговую сеть [23]. На концессионных предприятиях рабочих давали большие авансы и премии, чтобы, как считали партийные товарищи, «публика не покупала в [заводском] кооперативе, а ехала в город» [22, л. 46].

Такая «местная самодеятельность» не могла не беспокоить партийные органы возможностью потери влияния на население. На встрече с посетившим Архангельск в 1925 г. инструктором ЦК ВКП(б) Н.В. Рогозинским поднимались вопросы отношения с концессионерами, при этом положительные экономические результаты не учитывались. Констатировали, что партийной организации не удастся ввести в состав администраций «своих людей», поэтому «недоразумения с советскими учреждениями» и с заводскими профсоюзами возникают у концессионеров «сплошь и рядом». Отмечали, что руководство предприятий «ни за что не идут ни на какие уступки партийным членам завкома», а всячески поощряют беспартийных «мелкими подачками» (в виде премий), и те «хващаются этим перед рабочими». Администрацию заводов обвиняли в потакании слабостям некоторых партийных товарищей (прежде всего имелась в виду популярная в те годы тема пьянства). Избавиться от подобных работников, которые устраивали администрацию, но не устраивали партийное руководство, удавалось только через суд, против чего возражала заводская администрация, а были случаи и организованной защиты со стороны рабочих (Там же).

Раздражало партийное руководство и то, что администрация заводов, как они считали, тормозит развитие профсоюзной работы, не идя навстречу в во-

просах защиты прав. Приводился в пример случай «шантажа» со стороны директора завода: «примите обратно уволенных 2 рабочих не членов профсоюза и не слишком высокой квалификации, тогда я разрешу вам еще 30 членов принять. Не примете – не разрешу» [22, л. 52, 53]. Администрация концессионных предприятий иначе объясняла свою позицию: профсоюзы при сокращении штатов не учитывали профессиональные качества работника, предлагая уволить специалиста на том основании, что у него есть крестьянское хозяйство, отдав его место чернорабочему, отягощенному большой семьей [8].

Попытки концессионных предприятий «по-капиталистически» решать некоторые вопросы (из которых самый острый в северных губерниях – поиски рабочей силы) встречал «непонимание» со стороны властей. Когда Руснорвеголес «самовольно повысил расценки за рабсилу» на 60%, увидели в этом вредную конкуренцию государственным организациям, потребовав подобную самодеятельность запретить на уровне Центральной междуведомственной комиссии по регулированию заготовок [11].

Постепенно отношение к концессионерам стало меняться со стороны как местных властей, так и населения. Иногда причиной была политика самих концессионеров, которые, как, к примеру, Руснорвеголес, много пообещав, занимались только вывозом древесины, компенсируя потерянную при национализации собственность. Другие действительно оказались в сложном положении из-за мировой конъюнктуры. В 1925 г. в связи с внешнеполитическими обстоятельствами у иностранных коммерсантов возникли сложности с реализацией древесины на основном рынке – английском. Расчет на кредиты в иностранных банках, чтобы в создавшихся условиях рассчитаться с рабочими и заплатить налоги, тоже не оправдывался [22, л. 105]. В закрытом письме в ЦК Архангельский губком сообщал: поскольку «лесная промышленность работает вся на экспорт, [а] лесные рынки показывают снижение цен, вообще трудности с реализацией», возникает опасность закрытия предприятий и увольнения рабочих. Государственный трест мог рассчитывать на поддержку от правительства, местные лесозаводы придется закрыть как убыточные, а вот «как справятся концессионеры – трудно предусмотреть. ...Положение [их] напряженное и задолженность у них большая» [23].

В этих условиях концессионеры стали испытывать сильное давление со стороны местных властей. Объяснялось это, судя по всему, влиянием партийных комитетов, настроенных против политики концессионеров, а также тем, что не удалось с помощью иностранцев реализовать данные населению обещания. Уездная власть все чаще склонялась к мысли о выходе из создавшегося положения, переведя лесную промышленность полностью в государственное подчинение, что позволило бы решить вопросы казенной поддержки убыточных предприятий.

Концессионеры просили отсрочки по выплатам налогов и временной отмене санкций за задержку зарплаты рабочим [10, л. 58–64]. Местные власти входить в их положение не хотели, накладывая аресты на лесоматериалы, подготовленные к отгрузке.

В результате простаивали зафрахтованные пароходы, нарушались торговые договоры, что влекло за собой новые штрафные санкции. Соответственно, возрастала себестоимость продукции, уменьшая возможности расчетов с рабочими [10, л. 58–64].

Происходил раскол и внутри концессионных обществ, которые в соответствии с законом были «смешанные», то есть состояли из «иностранной группы» и русских акционеров. В «русской группе» происходила постепенная замена членов на более лояльных политике партии, которых Ф. Прютц обвинял в открытой поддержке «политики местных организаций Севера России, которые хотят превратить Онежское предприятие в [государственный] концерн, политику, которая не есть политика государства...» (Там же, л. 40–53).

Те в свою очередь обвиняли норвежцев: «это не деловые люди, а мелкие спекулянты», отмечая их попытки показать концессию «как громадную заслугу, которую они оказали Советскому государству» и «стремление устроить свои делишки ...за счет советской казны». Вопросы вызывали большие убытки на экспортный товар за границей, что было ответственностью иностранных агентов. По мнению представителя «русской группы», «кошмарная цифра» убытков «никак не соответствует положению рынка». Чтобы на месте разобраться с причиной, почему ценная экспортная древесина продается по столь заниженным ценам, за границу были направлены тайные агенты. Было выяснено, что концессионеры, находящиеся в зарубежных представительствах, «при различных комбинациях при продаже круглого леса участвуют как покупатели, и им выгодно покупать дешевле, хотя Общество при этом терпит убытки»; иностранцы же при всей убыточности концессий «получают большие деньги в виде зарплаты» (Там же, л. 4–13).

Имея поддержку на уровне центральной власти, северные концессии находились в состоянии постоянного конфликта с местными властями, прежде всего партийными, влияние которых на остальные уровни администрации в 1920-е гг. продолжало усиливаться. Было ли это частью плана по вытеснению иностранных капиталистов из экономического пространства Советской России, или концессионеры, действительно, ограничивались только решением собственных задач, – однозначный ответ дать сложно. Работать в условиях постоянных подозрений и внутренних конфликтов становилось невозможно. «Ингруппы» были вынуждены продать свои акции государственному тресту, оставаясь формально самостоятельными для привлечения иностранного капитала. Процесс официальной ликвидации концессий начался в 1929 г.

Литература

1. Абрахамсен, Э. Из Серёгова в Онегу. Воспоминания о норвежском лесном бизнесе в России : перевод с норвежского / Э. Абрахамсен. – Архангельск : САФУ, 2016. – 212 с.
2. Архив УФСБ по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 7. Л. 67–68.
3. Гернет, С. М. Архангельск в истории русско-шведских отношений / С. М. Гернет // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. – Киров, 1997. – С. 195–199.

4. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 230. Оп. 1. Д. 28.
5. ГААО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 27-б. Л. 30 об.–31, 32 об.
6. ГААО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 4. Л. 18 об.
7. ГААО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 42. Л. 35.
8. ГААО. Ф. 4425. Оп.1. Д. 3. Л. 150.
9. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 16. Оп. 1. Д. 95. Л. 31
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 3. Д. 1311.
11. РГАЭ. Ф. 7758. Оп. 1. Д. 73. Л. 104, 105.
12. Данильченко, С. Л. Трансформация концессий в советскую экономику в годы нэпа : монография / С. Л. Данильченко. – Москва, 2012. – 240 с.
13. Дергачева, Н. П. Концессии / Н. П. Дергачева. – Ленинград, 1925. – 76 с.
14. Дезеве, Д. А. Эксплуатация лесов Архангельской губернии: доклад отдела хоззаготовок на заседании Архангельского губиспокома. 18 октября 1917 г. / Д. А. Дезеве // ГААО. Ф. 1933 Оп. 1. Д. 12. Л. 3 об.
15. Карр, Э. Г. История Советской России. В 14 книгах. Книги 6-9. Социализм в одной стране / Э. Г. Карр. – Москва, 1989.
16. Кауфман, М. Я. Организация экспортной торговли СССР / М. Я. Кауфман // Энциклопедия советского экспорта. – Берлин, 1928. – Т. 1. – С. 21–36.
17. Ленин, В. И. О концессиях и о развитии капитализма / В. И. Ленин. // ПСС. В 55 томах. Том 43. Март-июнь 1921. – Москва, 1970. – С. 248–249.
18. Норвежско-русские предприятия в лесной промышленности // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1917. – № 7–8. – С. 339–340.
19. Парфенов, А. Е. Иностранный концессионный капитал в советской лесной промышленности: условия привлечения и результаты использования: 1918–1930 гг. : специальность 08.00.01 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Парфенов А. Е. – Волгоград, 2007. – 26 с.
20. Развитие экспорта леса из Северной России: из заграничной печати // Северное хозяйство. – 1923. – № 1. – С. 70–71.
21. Репневский, А. В. Капитан Ф. Прютц – видный норвежский промышленник... и слабый вице-консул / А. В. Репневский // Скандинавские чтения 2006 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 530–539.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 174. Л. 46, 52, 53, 105.
23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 7. 1925 г. Л. 46.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 1. Л. 2 об., 5.
25. Северо-Двинская губерния: Географический и культурно-экономический очерк. – Вып. 1. Великий Устюг, 1924. – 245 с.
26. Юдина, Т. В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы новой экономической политики : специальность 07.00.02 : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Юдина Т. В. – Волгоград, 2010. – 35 с.
27. Beitel, Werner, Jürgen Nötzold. Deutsch-sowjetische Wirtschaftsbeziehungen in der Zeit der Weimarer Republik: eine Bilanz im Hinblick auf gegenwärtige Probleme. – Baden-Baden, 1979. – 435 p.
28. Lundesgaard, J. Russian timber industry in the 1920s: on the short history of Russnorvegoles / J. Lundesgaard, V.V. Tevlina // Acta Borealia. – 2017. – Vol. 34. – P. 26–49.

T.I. Troshina

**FOREIGN CONCESSIONS IN ARKHANGELSK
PROVINCE DURING THE NEP PERIOD:
THE RELATIONSHIP BETWEEN THE POPULATION,
LOCAL AUTHORITIES AND CONCESSIONAIRES**

On the basis of archival sources, the experience of attracting foreign investment in the forestry industry of the Arkhangelsk province in the form of concessions is presented. The complexity of relations between foreign capitalists and local authorities is explained by fears of increasing «capitalist influence» in the context of the new economic policy.

New Economic Policy, Arkhangelsk province, forestry industry, foreign concessions.